

(00:00:00) (Начало записи)

Эдуард Бояков: Добрый день, здравствуйте, дорогие гости, дорогие участники Московского экономического форума. Мы продолжаем обсуждать и развивать тему взаимодействия экономики, политики и культуры как сложно интегрированных компонентов в социальной жизни. Вчера этому вопросу была посвящена Пленарная сессия, возможно, кто-то из вас слушал дискуссию, в которой приняли участие профессор Дугин, философ и публицист Чадаев, священник-отец Павел Островский и публицист Сергей Мардан. И я рассчитывал и, собственно, получал от организаторов Форума такое пожелание – все-таки попробовать протянуть линию, попробовать отойти от деклараций, которые неизбежны на Пленарных сессиях, к обсуждению уже серьезных глубоких сутевых вопросов. Как организовать культурную политику, как характеризуется современная культурная среда, чем она отличается от практик недалекого прошлого и далекого прошлого, что в нашем мире меняется, как семиотика, как символическое пространство влияет и на что оно влияет?

Прежде чем представить слово нашим уважаемым спикерам, я скажу только об одной формуле, простейшей, банальнейшей, но это формула, которую, по-моему, надо повторять, повторять и повторять. И вчера, слава Богу, она звучала не единожды. Экономика очень зависит от политики, это очевидно. Современный мир характеризуется этой увеличивающейся зависимостью. В сегодняшнем мире даже по сравнению с десяти-двадцатилетней давностью роль политического влияния, политической конкуренции усиливается, функции государственного протекционизма, функции санкционного давления и так далее, и так далее никуда не деваются. Мы понимаем, что мы очень зависимы, наше благосостояние, наши налоговые показатели, наше ВВП зависит от политики.

Но надо идти дальше в этих рассуждениях и сказать, что политика серьезнейшим образом зависит от символического поля, в котором мы живем. Политика – это не прихоти каких-то цезаристов или каких-то тиранов, или каких-то демократов. Политика – это реальность, особенно реальная политика. Это реальность, которая формируется из культурного поля, из взаимодействия очень разных факторов, которые сложно описываются в отличие от экономической статистики, которые имеют отношение к бессознательному, которые имеют отношение к рациональному, которые имеют отношение к архаическому, которые имеют отношение к мифологическому. И наша политика, нам только кажется, зависит от результатов каких-то там выборов. На самом деле она зависит от того, какие песни пели наши предки, каким они ценностям служили, как они относились к своей истории, территории, как они обустроивали свою жизнь не только в XXI веке, но и в XIX, и так далее, и так далее.

Об этом, я надеюсь, мы сегодня поговорим с уважаемыми спикерами. Я представлю их: Святослав Юрьевич Рыбас – писатель, историк, драматург, автор целого ряда важнейших, важнейших политических биографий, которые выходили в разных издательствах, в том числе в серии «Жизнь замечательных людей», начиная с биографии Столыпина, заканчивая биографией Сталина.

(00:05:07)

Борис Алексеевич Акимов – соучредитель проектов «Россия-2062», соучредитель проекта «Большая земля», сообщество «Счастливый», мой земляк, живущий в Переславле. Я тоже порадаюсь тому, что я вот буквально несколько дней назад осветил дом, и теперь могу этому обстоятельству радоваться и отделять себя от Москвы потихоньку.

Доктор Прити Дас – доцент Центра исследования России и Центральной Азии, так называется Центр, обратите внимание на название, Центр исследования России и Центральной Азии. Не знаю, как вам, мне лично название нравится Центра. Школа международных исследований Университета Джавахарлала Неру – крупнейшего государственного университета в Индии, знаток русской культуры, руководитель координатор группы по расширению лингвистических возможностей университета Неру. Приветствуем вас, доктор Прити Дас.

Евгений Юрьевич Фатеев – руководитель креативного агентства Streetart, сооснователь фестиваля уличного искусства «Стенография», крупнейшего фестиваля, который проходит в городе Екатеринбурге, писатель, книга которого «Уроки украинского», уже заканчивается, я так понимаю, распродажа второго тиража, и сейчас в издательстве АСТ выходит его книга, посвященная 90-м годам. Вот такая у нас очень интересная и многообещающая компания.

Спасибо.

Святослав Юрьевич

Святослав Рыбас: Спасибо. То, что товарищ Бояков сказал про меня, все правда, я хотел сказать, что вы, может быть, не все знаете, кто я такой, но вы знаете, кто такой Столыпин, кто такой Сталин, кто такой Си Цзиньпин, кто герои других моих произведений, имею в виду Николая II, ну и так далее. Также спектакль, который товарищ Бояков поставил и во МХАТе имени Горького, и в Новом Театре про Столыпина, вы, наверное, тоже слышали. Теперь я скажу, что еще был первым представителем Фонда восстановления Храма Христа Спасителя. Храм построен, и мы добились этого. Было много приключений, но сейчас не время об этом говорить.

Что еще хочу сказать в рамках нашей встречи. Культурный код, традиция. Мой родной дедушка был белогвардейцем, натуральным белогвардейцем. Закончив гимназию в Донбассе, он был мобилизован в добровольческую армию генерала Деникина, в корпус, которым командовал генерал Кутепов. Я о нем тоже написал книгу, она так и называется, «Генерал Кутепов». И дедушка, ему было 19 лет, прошел до Тулы примерно, был тяжело ранен, эвакуирован, и оказался в свое время в 1920 году, в ноябре, в Турции, в городке Галлиполи. Галлиполи – это название греческое, Kalos Polis, прекрасный город на берегу Дарданелл.

И там, в этом русском корпусе, в основном были молодые люди. Вчерашние студенты, гимназисты или конторщики. В общем, их было среди 26 тысяч штыков, они были практически все. И я вам хочу сказать, что там происходило. Вы, наверное, помните фильм по Булгакову «Бег». Это то же время, та же Турция, Константинополь, полное

разложение русской эмиграции. Ужасные, прекрасные люди и разложение. В 120 километрах от Константинополя, в Галлиполи, все было наоборот. Каждый полк построил свою церковь, и я просто хочу сказать, что история, как деморализованные люди сумели возродить культуру и самоорганизоваться, получила название в русской эмиграции, в русской истории такое наименование «Белый Китеж».

(00:10:18)

На берегу Дарданелл был разбит палаточный город. Жизнь требовала духовной пищи, и появились библиотеки, два театра, гимназия, детский сад, гимназия, академическая группа, спортивные и технические кружки, гимназические и футбольные команды, несколько хоров, корпусная фотография, рукописные литографические журналы. И, в общем, одна и очень интересная деталь, которая жаждет драматургии и кинематографии.

Вот эти молодые люди обыграли в футбол англичан, моряков, которые чувствовали себя покорителями мира, обыграли, и за 20 минут до окончания матча англичане плюнули и ушли. Больше я ничего об этом не буду вам рассказывать, но хочу процитировать одного писателя, белогвардейского. Это «Голое поле. История гибели и возрождения белой гвардии». Это Иван Лукаш написал, наверно, мало кто слышал его, но если слышали, слава богу. «Учатся запоем», это я хочу вам подчеркнуть, «в Галлиполе несет монашеский подвиг русская молодежь». Это короткие цитаты, еще короткую цитату я приведу и на этом галлиполийскую тему закрою. Так, говорят они друг другу: «Мы очистились от всех гноищ войны, мы обелились, мы стали живой идеей России, и если она жива, мы не мертвецы», ну и так далее.

Мой дед вернулся по амнистии, поскольку он не был офицером вольноопределяющимся, он выздоровел, за него поручился его отчим, который был начальником архива **Донщика** (00:12:41), вот такое сочетание, для гражданской войны, в общем-то, неудивительное. Он был горным инженером, как в моем роду пять поколений горных инженеров, в Донбассе, и прожил застойную жизнь и был даже героем труда, это не геройство труда, это такое локальное обозначение, и ярим подвижником индустриализации. И вот та палаточная церковь в Галлиполе, она потом была воссоздана через меня уже в храме Христа Спасителя.

Второй момент – это разлом Столыпина и Витте. Витте, будучи министром финансов, пригласил в Россию западный капитал, на который была построена вся южно-русская новороссийская индустрия, это были западные деньги, которые были вложены туда, и с большой прибылью эти все инвестиции вернулись в Россию. И как всякие большие деньги, они захотели большой власти, и вот эта большая власть породила к жизни Столыпина, который стал противодействовать ей, чтобы укрепить именно национальные политические корни.

В этой борьбе, вот об этом мой спектакль, Столыпин был убит, но дальше эта вся борьба реализовалась уже в советское время, в советской индустриализации, эту тему я не буду вам дальше рассказывать, и завершаю свою тему следующим, я хочу прочитать вам две цитаты. Арнольда Тойнби: «Цивилизации не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление, как если бы они двигались по

улице с односторонним движением», то есть наша православная цивилизация – это и есть цивилизация, мы двигаемся по одним и тем же культурно-историческим рельсам, это первая цитата. Вторая цитата Александра Александровича Зиновьева о социальной организации, разгромленной Россией. Цитирую: «Советские и российские реформаторы полностью игнорировали азбучную истину социологии, что западные образцы формировались веками в конкретных условиях западного мира, в ожесточенной социальной борьбе, в опустошительных войнах, путем огромных усилий, ценой жертв и потерь.

(00:15:41)

Они не универсальны и потому малопригодны в одинаковой мере для всех эпох и народов, а в случаях их относительной и частичной применимости требуется учет всей специфики заимствующих стран. Бездумное копирование неизбежно ведет к разрушительным, порой к катастрофическим последствиям. Примером тому история дает в изобилии. Не случайно западнизация стран незападного мира стала мощнейшим орудием Запада в борьбе за мировое господство. Социальная организация постсоветской России умышленно сконструирована так, чтобы не допустить ее возрождения как социального феномена, способного конкурировать с Западом за доминирование в процессе эволюции человечества, способного препятствовать Западу в его борьбе за мировое господство.

Второй фактор заключается в том, что при формировании новой социальной организации, разгромленной России, проявился объективный социальный закон регенерации. Суть его в последующем. Если разрушается социальная организация, но сохраняется людской материал, и основные условия его выживания – геополитические, материально-культурные, традиции и прочее, то вновь создаваемая социальная организация в ряде существенных черт оказывается близкой к разрушенной. Так что избежать влияния уничтоженной советской системы невозможно, как бы ее не чернили российские реформаторы и их западные манипуляторы». Конец цитаты.

Я дополню Александра Алексеевича тем, что то, что он сказал, относится ко всей истории России. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо. Спасибо, Станислав Юрьевич. Я думаю, что мы в оставшееся время после выступления спикеров коснемся этой темы, коснемся темы уроков истории и действительно пример, который связан, с одной стороны, с вашей судьбой, с вашей биографией, с другой стороны, действительно, с историческим удивительным феноменом Галлиполийского чуда. Как говорят некоторые ученые об этом русском Китеже и связывая даже Константинополь с Галлиполи, то есть мы и получили крещение от этой земли, от этого берега и получилось, туда же, вот в этот Китеж, туда же ушла культура. Можно спорить о том, как взаимодействует красная и белая идеология, но то, что без этой линии не сохранилась бы и наша церковь, без этих святых, которые мы в XX веке получили в лице великих святых, достаточно вспомнить Софрония Сахарова или Силуана Афонского, и без этих философов достаточно вспомнить парижский невероятный анклав, который

там существовал. Без музыки Рахманинова и так далее, мы, конечно, сегодня были бы значительно беднее.

Можно ли построить настоящую сердечную Россию, не эмигрируя из нее? Вот вопрос, который я полушутя, полусерьезно задаю Борису Акимову.

Борис Акимов: Спасибо. Я пару слов еще раз скажу про себя все-таки, почему я здесь, на сцене буду сейчас перед вами выступать. В какой-то момент, это было в 2015 году, будучи предпринимателем московским, мы, увидев всю эту бучу в социальных сетях на тему выхода фильма «Левиафан» неизвестного, решили отправиться, собственно, на место съемок, потому что оно так позиционировалось, как место такое, если грубо сказать, если Россия — это жопа, то это жопа-жопы. Поэтому мы решили отправиться в это место, которое претендовало на самое худшее место, вроде как, на Земле вообще.

(00:20:13)

И вот из этой поездки, о чем я буду, собственно, говорить, родилась новая сфера деятельности моей и моих коллег. Мы создали организацию, которая называется «Большая земля», и с тех пор занимаемся развитием территорий на муниципальном, в первую очередь, уровне в разных частях России, от Мурманской области до Кубани, от Татарстана до Липецкой области и прочих, в Ярославской области, где, собственно, я и поселился несколько лет назад с семьей в деревне.

И то, что я сейчас буду говорить, это такой, в общем-то, локальный, очень местный кейс, который демонстрирует как раз то, о чем Эдуард в начале говорил, о том, что мы десятилетиями, может быть, даже и столетиями живем в состоянии такой оккупации сознания, когда тот гуманитарный дискурс, семиотический дискурс, который был рожден на Западе, он присутствует в наших головах. И реальность, если мы пытаемся ее адекватно и рационально оценивать, мы оцениваем именно с тех позиций и формулировок, которые были созданы там.

Вот сейчас настал какой-то момент, может быть, не первый раз, конечно, далеко в российской истории, когда мы пытаемся, что ли, с этими ментальными оккупантами в собственной голове бороться. И один из стереотипов, занимаясь развитием территорий, один из стереотипов, с которым мы сталкивались, сталкиваемся до сих пор, это такая вера как раз в экономику. То есть, когда нам говорят о том, что экономическая реальность, она фундаментальна. В общем-то, все течения идеологические, которые в XX веке, да и сейчас превалируют на некоторой, скажем так, части планеты, они исходят именно из-за этого, будь то и разные измы, и капитализм, и социализм, и так далее, все постулировали примат экономического действительности.

И сталкиваясь с действительностью, с реальностью небольших русских регионов, территорий, мы, собственно, видели каждый раз, что это не так, на самом деле, и из этого родился наш проект «Россия-2062», в котором, собственно, мы пытаемся уже с социально-философской точки зрения, которая базируется и на нашей практике, осмыслить вообще, что такое гуманитарный суверенитет России, и каков он может быть в тех или иных сферах.

Так вот, я сейчас вам расскажу тот кейс, который стал таким переверотным в моей голове, и повернул нашу всю команду туда, куда мы идем, собственно, и почему об этом мы говорим.

Териберка, это место, я скажу, в 2015 году мы написали письмо губернатору перед тем, как туда поехали, просто потому что не хотели, чтобы нас воспринимали как какую-то позиционную силу, или что-то в этом роде, кем мы не являлись, мы просто были, так сказать, равнодушные граждане своей страны, которые отправились в такое место, которое вроде бы в беде находится. И когда нам отрядили какого-то вице-губернатора тогда, который там существовал, он нас встретил, сказал: «Вот вы едете зачем?» Ну, мы как-то вкратце обрисовали, что, смотрите, есть такое место плохое, если оно такое плохое, надо как-то, мы же как бы живем в общей стране, давайте посмотрим, чем мы можем ему помочь. Ну, понятно, что, наверное, он этому не поверил и просто сказал, что вы вообще можете оттуда не вернуться, там бандиты, там дороги такие, что машина ваша поломается, в общем, может быть, я вас вижу последний раз, рекомендую просто вам как можно скорее оттуда вернуться.

Было принято решение о закрытии этого места, на тот момент там жило где-то порядка 500-400 человек. В советское время, понятно, там была некая экономика, базирующаяся на переработке рыбы, 4000 человек, образцовый поселок, это все было в прошлом. И поселок расселяли, жителей перевозили в город Кола под Мурманск. Это был 2015 год. Как пример, квартира двухкомнатная в одном из немногих уцелевших домов многоквартирных стоила 200 тысяч рублей. Понятно, что ее никто не покупал, потому что она была просто никому не нужна. В общем, это по мнению самих этих людей, которые жили в самой Териберке, в Мурманской области, соответственно, в стране, это было ужасное, самое страшное место, в котором жить не надо, надо валить оттуда.

Ну, в общем, в каком-то смысле можно сказать, что это был такой прообраз, что ли, некоего мифа о России, который существовал в головах большого количества либерального эстаблишмента, ну, и, наверное, до сих пор в некоторых головах существует, только в таком концентрированном уменьшенном виде. Такая вот Россия маленькая. Место фундаментальной красоты, невероятное совершенно. Кто там не был, рекомендую, вне зависимости от успехов социально-экономической, культурной деятельности человека, там просто природа такова, это, может быть, самое красивое даже место в мире, которое я видел, наверное, есть еще.

(00:25:10)

И мы начали, сначала просто на уровне энтузиазма мы решили провести там такой фестиваль развития территории, привлечь внимание к этому месту, к тем плюсам, которые там есть в природе, к возможности развития экологических троп, к какой-то цивилизованной рыбалке, к туризму, к сноубордингу, к гастрономии из местных продуктов, потому что там и ежи морские, и гребешки, в общем, богатство огромное, опять же, которым не пользовались даже и многие местные жители, не понимая того, что, например, ежа там можно есть, да. И, в общем, провели мы этот фестиваль, и дальше мы стали работать, мы там работали над мастер-планом этого поселка, и этот фестиваль стал

ежегодным. В отличие от просто какого-то развлекательного мероприятия, это был всегда итог некой нашей годовой работы. То есть мы работали с местным сообществом, с сообществом Мурманска, с местными предпринимателями.

В общем, что произошло? То есть когда нас тогда вот чиновники встречали, они сказали, вы знаете, вот был проект «Газпрома» на Териберке. Должны были там шельф разрабатывать. Вот он зашел, а потом ушел по разным причинам. Поэтому все, хана, ничего не будет, ведь инвестор ушел. То есть вот это упование, что если вы хотите, чтобы какая-либо территория жила, нужно, чтобы пришел какой-то дядя с большими деньгами и сам какой-то свой мир там начал строить, и тогда там будут какие-то люди, школа появится или что-то такое. Вот этого не случилось, все, значит, ничего не будет.

Так вот, буду краток, поэтому я сразу перескакиваю через несколько лет. Уже мы там работали первые три, по-моему, или четыре года. Несколько лет тому времени, как в 2022 году, в конце 2022 года я там побывал не второй раз, конечно, а впервые, по-моему, с 2018 или 2019 года, после окончания нашего проекта. По-моему, 16 гостиниц, ноль в 2015 году. Ресторанов тоже более десяти, ноль в 2015 году. На берегу океана Северного Ледовитого стоит бутик какого-то российского бренда одежды, просто уходящий полупрозрачными стенами, футуристической абсолютно интересной архитектуры, на этом гигантском песчаном пляже. Самая северная пивоварня России, производство местных деликатесов. Построена дорога за счет федерального бюджета уже к Териберке, которую должны были расселять, почти до Териберки. Построен первый многоэтажный дом, впервые с 70-х, 80-х годов.

И мы снимаем там фильм в рамках нашего проекта «Россия-2062», одну из серий, и разговариваем с женщиной, которая говорит: «Знаете, я приехала сюда из Балашихи и просто влюбилась в эти места, и вот переехала сюда жить». В мы приехали снимать ее руководителя, который тоже переехал из Питера и создал там дайвинг-центр. И таких там переселенцев уже много за эти годы. И она говорит: «Знаете, мне все очень нравится здесь, так здорово, я просто влюбилась, я понимаю, что должна жить в Териберке, это прекраснейшее место совершенно на Земле. Есть одна проблема, я не могу квартиру купить здесь». Я говорю: «Вы не хотите продавать в Балашихе квартиру, да?» Она говорит: «Да нет, почему, я готова ее продать. Просто я могу за 5 млн продать, а здесь двухкомнатная за 7 млн продается».

И я несколько лет не следил, как мы вышли оттуда, из этого проекта, когда он уже начал жить своей жизнью. И жизнью он начал своей жизнью не потому, что пришел «Газпром», или не потому, что даже федеральный бюджет что-то выделил, это все было постфактум. Он начал жить, потому что несколько сотен людей по какой-то причине достали свои деньги из подушки, из каких-то акций вывели, из какого-то другого бизнеса, продали свою квартиру в Мурманске или в Петербурге, или что-то в этом роде. И далее переехали туда, открыли там какой-то свой бизнес. А почему это произошло? Потому что они что, решили, что это очень выгодно сделать? Лучше, чем в Питере деньги зарабатывать? Нет. А я вот вам сейчас скажу. Девушка в пивоварне сидит, значит, продает пиво. Я говорю: «Куда вы пиво деваете? Здание такое большое, пивоварня». Она говорит: «Ну как?», я

говорю: «Ну» в Питере продается, в Москве?», «Нет». «А в Мурманске?», «Нет». «А где?», Она говорит: «Вот здесь мы продаем». Я говорю: «Как здесь? Это же пиво». А это четверг вечер, осень, дождь идет. И такая очередь стоит за пивом. Она говорит: «Молодой человек, у нас не юг, у нас сезона нет». И она причем местная, с Кольского полуострова, тоже переехала. Говорит, хотела бы здесь землю купить, но стало так дорого. Я понимаю, что у этих людей, местных же жителей, из соседних регионов, из жителей самой Териберки, перевернулся абсолютно взгляд. Они думали, что они живут в самом плохом месте мира, и потом оказалось, что они живут в самом крутом, классном месте мира.

(00:30:07)

И это произошло буквально за пять лет, даже, может быть, чуть меньше. То есть это прямой и практический кейс, который подтверждает то, что семиотическое ощущение и суверенитет, суверенность мышления, оно лежит в основе всех остальных общественных явлений. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо, дорогой Борис. Вот такая драматургия возникает. Мне Святослав Юрьевич сейчас так кивнул и сказал, что это тоже Китеж, и я действительно тоже об этом подумал. То есть Россия может трансформироваться и уйти на юг куда-то, в прекрасные Дарданеллы, в Босфор, в эту сторону, а может достичь северных пределов Полярного круга, пространства, где помимо северного сияния, оказывается, есть еще и вот такие прекрасные не индустриальные, а природные возможности для хорошей, гармоничной, органической жизни. Мы, конечно, этот пример, я думаю, что тоже все захотим еще обсудить, а я, раз уж действительно такая вот географическая возникает траектория, и я думаю, что самое время предоставить слово нашему гостю из Индии, тем более это и для многих из нас, и для меня лично культура, с которой мы связываем огромную надежду.

А эта надежда не только имеет экономические и геополитические корни. Был прекрасный доклад на сессии Андрея Кобякова, где говорилось о том, что пройдет совсем немного времени, и уже в 30-х годах Индия обгонит Китай, Китай не перестанет расти, но Индия растет быстрее. Мы понимаем, что эта страна невероятной, глубокой, давней, древней и сильной культуры, и поэтому мы ждем от доктора Прити Дас вот таких вот параллелей с нашей ситуацией сегодняшней, с нашими попытками сохранить в России культурный суверенитет.

Прити Дас: Спасибо. Добрый день, уважаемые участники, председатель сессии и участники форума. Прежде всего, позвольте мне поблагодарить организаторов за то, что представили возможность, чтобы поделиться своими мнениями. Я буду рассматривать настоящую ситуацию, но только хотела начать с античных, русско-индийских связей, и хотела выбрать оттуда некоторые моменты, подчеркнуть некоторые моменты, о которых мы уже забыли, и надо как-нибудь восстановить их или, может быть, еще раз прочитать, подумать над этими ситуациями.

И начинаю, что если культура или культурный код – это набор образов, устойчивых представлений и своего рода ключ к пониманию культуры народов и их уникальных особенностей, история цивилизации – это история развития человеческих устремлений и многолетних усилий по их достижению, но это также история человеческих неудач,

страданий и недостатков. Со всеми ее положительными и отрицательными аспектами мы находим три характерные черты, которые составляют человеческую эволюцию в истории: это культура, цивилизация и, самое главное – ценности.

И я сразу перейду на русско-индийские культурные связи, которые демонстрируют и они как бы своеобразными становятся примерами цивилизационных отношений. И какую роль в этом смысле может Индия и Россия, которые самые цивилизационные государства, могут играть в формировании культурной среды в настоящее время в кризисных ситуациях.

Будучи одной из самых древних цивилизаций мира, с древних времен Индия оказывала влияние на Запад и демонстрирует себя как новую цивилизацию, которая постоянно развивается, принимая изменения.

(00:35:11)

Потом я хочу уделить ваше внимание на выражение **(на индийском языке)** (00:35:23), который объясняет, что какая тесная связь имеется, потому что когда мы разговариваем об экономике, о политике и вообще материальном развитии, мы останавливаем духовность позади. Но тут **(на индийском языке)** (00:35:41) показывают тесную связь между наукой и религией, которые, не противоречат друг другу, а наоборот, дополняют друг друга. Можно увидеть это на примерах русско-индийской связи, как религия и общие представления оказали влияние на мышление человека. А то, что говорим, что со временем Древняя Русь, русский индуизм имел влияние на русское язычество и имеет много общего с индийскими традициями.

Я просто могу тут показать некоторые примеры, где сходство наблюдается не только в моделях славянской и индуистской традиции, в их языках, системах, верованиях, праздниках даже и тому подобное. Вчера было еще сказано, что в Индии существует много богов, но из этих богов многое сходство наблюдается даже со славянскими богами, то есть Перун и Индра являются богами грома, закона и войны. И персонифицированные натуральной силы типа дождь, ветер, огонь, они существуют и откликаются на человеческие мотивы в обеих, то есть и русских, и индийских понятиях.

И тут можно привести многие примеры. Скажем, праздник Масленица имеет удивительное совпадение с индийским праздником Холи. Одно и то же, там тоже сжигают за один день перед Холи, также они молятся, пять дней отмечают почти что. Не только праздник, который совпадает, тут еще есть некоторые ритуалы, типа когда человек умирает. Все абсолютно такие же ритуалы подчиняются, что в славянских традициях подчиняются тоже. Еще, скажем, если птиц возьмем, ворона, то тоже имеет значение, как это связывает небесный мир с земным миром. То есть точно такое же понятие, которое существует в индийской.

Кроме этого, тут существуют понятия и живой, и мертвой воды. То есть у нас этот концепт, то есть точно такая же вода и в точно таких же ситуациях употребляется. Так что можно привести много примеров. Даже еще есть в Ригведе, который описан, приготовление

сомбраз (00:38:31). Точно такая же процедура существует в фольклорных верованиях славянских сказок.

То есть это все совпадение не только что в каких-то поздних литературах, это совпадение мы находим еще в Ригведе, еще в Вишну-пуране, еще в (00:38:52). Там эти сказки уже объясняются. Но тут я хочу этим примером показать, что неважно, какой путь существовал или оказал влияние на культурный обмен этих народов, разных народов. Главное, что мыслительный процесс этих народов более близкий или может быть одинаковый. И у обоих народов духовная культура, это занимает самое высшее достижение человека.

И в индийском контексте духовное освобождение еще является национальным идеалом Индии на протяжении всей истории. Даже еще можно это наблюдать в эпических шедеврах Махабхарата, Рамаян, Гита, которые раньше переводились на русский язык и до сих пор они изучаются, потому что по-прежнему они актуальны, потому что в них еще можно найти ответ на многие ситуации и проблемы, которые мы переживаем сегодня.

(00:40:04)

Проще говоря, что Индия с самого начала истории была глубоко укорена в духовном стремлении, которое включает в себя поиск реальности, в то же время как другие культуры и цивилизации всегда стремились к достижению эмпирических целей. И тут я просто хотела привести к заключению, что культура русская и индийская, связи между культурой и даже цивилизационные связи имеют и становятся огромным примером для других стран, БРИКС тоже. А тут хотела указать на то, что (00:40:54) выразил, что для создания перспективного мультицивилизационного миропорядка, в котором идея диалога цивилизаций предусматривает массы, а не цены, и то же точно можно увидеть в выражении Юрия Лотмана, который сказал, что мы живем, потому что мы разные. Эти мышления, которые у нас в разных... Индия – это азиатская страна, Россия – славянская, далекая все-таки страна по географии, но имеет огромное сходство в мыслительных процессах.

И это я хочу сказать, что это, если мы увидим экономические отношения, то есть Индия еще, вопрос остается открытым, когда мы разговариваем о БРИКС, о странах БРИКС, что индийская озабоченность о Китае, это еще остается открытым. И еще экономика, торговля еще не достигнута до нужной степени, все же народы становятся более близкими друг к другу.

И последний пункт, который я хотела объяснить, вот это, что политика индийского государства, это контакт между людьми, а не то, что между организациями, остается более положительным, более продуктивным, чем другие. Еще тут новая сфера, которая развивается, это культурная индустрия. С этой помощью можно восстановить те традиционные моменты, которые, может быть, привязывают людей, народов ближе, чем политические или экономические. И это можно уделять внимание на культурной политике в странах. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо большое, доктор Прити Дас. Очень интересно, радостно, и действительно состоятельная такая возникает драматургия. Я думаю, что очень получается, как-то само собой так сложилось, я не могу сказать, что хоть я и режиссер, здесь хвастаться скорее нечем. Действительно, наши уважаемые докладчики обеспечивают вот эту преемственность смысла. Я надеюсь, что последний, кто сегодня сделает 10-минутный доклад, тоже будет продолжать эту линию. Тем более мы уже от Юга и Юго-Востока двигаемся на Восток, от Москвы, и мы поговорили о Севере, о Мурманске. Теперь самое время, наверное, коснуться процессов, которые происходят на хребте России, на Урале. Евгений давно и очень активно существует в этом регионе, очень успешно, и процессы, которые происходят в Екатеринбурге, в соседних городах в этом регионе нас очень волнуют. Мы понимаем, что Россия зависит от этого места очень серьезно. И может быть, взгляд из Урала на то, что происходит в России, тоже может нам дать что-то важное и состоятельное. Прошу, Евгений.

Евгений Фатеев: Эдуард, спасибо огромное. У меня 10 минут. Я все-таки решил сосредоточиться на том, что же есть такое русский культурный код и как это видится от нас, из глубин.

(00:45:06)

И я попробую построить свое выступление, наоборот, на перечислении каких-то кратких тезисов, которые я сейчас вытащил немножечко из той книги, над которой работаю. Она будет посвящена русскому миру. Вот такое у него будет оригинальное название «Русский мир». Я попробую сейчас рядом тезисов с вами поделиться. Быть может, Эдуард, это тебе поможет. Я, наверное, на что-то спровоцирую, на какую-то дискуссию. Если у меня получится, то хорошо.

Поехали. Первый тезис. Как это видится мне сегодня? Быть русским сегодня — это усилие, это работа, это то, за что приходится платить большую цену. Факт. Особенно те, которые, как я, из недр креативной индустрии, для нас выход в русскость после 2014-го, даже после 2014 года, был очень дорогим. И мы, кстати, платим за это до сих пор. Некого автоматизма русскости нет до сих пор. Быть русским внутри страны сложнее, чем быть нерусским. Это просто факт моего бытования внутри нашей культуры.

Поэтому нам, видимо, нужно достичь какой-то ситуации возможности автоматизма русскости. Не платить за русскость, не прикладывать усилия быть русским, а быть русским. Вот этого сейчас нет. Дальше. Должен вам сказать, что, много слушая вчера спикеров, наблюдая наш интеллектуальный ландшафт, лично я сталкиваюсь со следующим. Сегодняшняя русскость проигрывает серым. Русская культура вообще не любит серых, и она им всегда проигрывает. В данном случае сегодняшние серые — не герои, не великие, не особенные, но важные. Не знаю, может быть, к этому числу серых, может быть, в хорошем смысле. Можно отнести просто рядовых деятелей культуры, еще кого-то, руководителя библиотеки где-нибудь, но мы им проигрываем. Наши враги работают с серыми, и они побеждают пока.

Следующий тезис. Что, быть может, мешает вот этой автоматизму русскости? Вообще русскость, меня в том числе, как потребителя русскости, а, кстати, моя книга «Русский

мир», у нее будет под заголовок «О маркетинге русскости», вот так. Так вот, что меня даже ошарашивает при потреблении русскости, при всей моей русскости, это то, что меня русскость всегда ошарашивает дурной экзистенциальностью. Она у меня сразу про жизнь и про смерть. А я не готов, а я не всегда хочу, а я не всегда просто готов к этому. И, видимо, это очень большая проблема, поэтому сегодняшней русскости нужно научиться не ошарашивать дурной экзистенциальностью. Быть может, пора задуматься о новом качестве в хорошем смысле русского лицемерия. Нам чуть-чуть этому надо поучиться.

Вы знаете, нейросеть, вот эти чат-боты, которые появились последние два года, вы знаете, первоначально фальстарт был два-три года назад, еще до старта. Почему? Нейросеть, к сожалению, пока не умеет лицемерить. Лицемерие — это очень сложная, когнитивная, очень серьезная процедура. Русским чуть-чуть бы поучиться этому у англосаксов.

Следующий тезис. Видите, я спровоцировал. Поехали дальше. Русскость сегодня в культуре вообще крайне сложно определить позитивно. Не исключено, что... Может быть, я чего-то не понимаю и не умею, но я чаще всего способен, мне хватает моего ума только на одно — на какой-то опыт негативного определения русскости. Русскость — это «не». Знаете, стол — это не стул. Но это можно очень долго перечислять. Мне лично не хватает того, за что можно зацепиться, для того чтобы русскость мою, даже в том числе русскость, определить позитивно.

Следующее. Но при всей нашей забывчивости и не любопытстве, которое когда-то описал Пушкин, и наше пренебрежение к собственному наследию порождает в нас потрясающую способность и такую бесконечную почти способность — самоудивление.

(00:50:21)

Мы постоянно про себя чего-то узнаем новое, потому что когда-то не научились помнить. Поэтому сегодняшнее приключение русскости очень здоровское, потому что мы можем бесконечно удивляться самим себе. Я лично над собой сейчас ставлю опыт. Я больше трех лет не смотрю вообще голливудское кино лично. Кстати, 15 лет живу без загранпаспорта, никуда не езжу. О чем у нас в медиа екатеринбургских признавался публично. И последние два года изучаю русскую литературу второго-третьего ряда. Последние 16 лет изучаю русские визуальные искусства. Должен вам признаться, из актуализированной у нас в лучшем случае, из актуализированного, находящегося в активном культурном обороте, дай бог 20% визуального, дай бог 30% литературного, в общем, нам есть чему удивляться. Русскость — это потрясающе. В XXI веке великая русская культура может пока еще открывать саму себя. У нас впереди очень много удивлений на предмет самих себя.

Следующее. Вообще, русскость сегодняшняя, с моей точки зрения, не сводима вот этой, знаете, сельской этнографической пасторальности. Она не сведется к косоворотке, она не сведется к маковкам церковным, она не сведется к какому-то костюму, она не сводима к этнографии. Таких культур в мире, наверное, не очень много, мне кажется, штук пять, у которых вот этого этнографического кода, четко просчитываемого, нет. А может, это и неплохо. Есть одна только проблема. Наша пасторальность, наши золотые веки, извините за, может быть, ошибочное слово «потребление», но они, в общем, пока в селе.

Городскую русскую традиционность мы еще не открыли, мы еще пока ее и не знаем, мы ее не сильно изучаем. Русский город, а ему все-таки 300 лет, не меньше, я имею в виду русский город, ну как массовое что-то, имперский хотя бы город. Есть город времен Гардарики, есть город времен царских, понятно, времен удельных, но имперский хотя бы город, мы его не очень знаем. А там тоже есть семя традиционного, и оно не всегда в косоворотке. С этим нужно разобраться.

Следующий тезис. Сегодняшний русский – это практически эталонный, бесценностный, безидентичный человек. Я 15 лет проработал в креативной индустрии, и вам должен сказать, что сегодняшний русский – идеальная фокус-группа. Обкатанное и успешное среди сегодняшних русских будет успешно где угодно – в Папуа-Новой Гвинее, в Уругвае, в Великобритании, где угодно. Это не так плохо. Точнее, конечно, это плохо, но так получилось, так уж сложилось. Но давайте фиксировать для себя это и пользоваться этим. Чуть позже объясню, почему это важно.

Следующий тезис. Нам очень нужна трезвость на предмет себя. Что я имею в виду? Понимаете, в чем дело? Мы за последние 30 с чем-то лет, к сожалению, не использовали невероятно ценный для складывания и придумывания нашей сегодняшней какой-то новой русскости. Мы, к сожалению, не используем такой бесценный ресурс, как опыт поражения. Просто нам нужно очень поторопиться, скоро мы победим. И мы опять немножечко подсушимся и поглупеем. В победах люди глупы, и культуры тоже. Но мы почему-то не распорядились нашим потрясающим активом, поражением в Холодной войне. Из поражения во Второй мировой войне родилась потрясающая японская поп-культура сегодняшняя. Из опыта поражения, кризиса МВФ совсем недавно, чуть больше 20 лет назад или около того, появилась потрясающая корейская поп-волна, Халлю. Мы свой опыт поражения, к сожалению, не используем. Это потрясающий актив. Из опыта поражения можно вытащить, выдавить, простите за грубость, потрясающую культуру. Мы пока этим не пользуемся, а скоро мы победим – чуть-чуть поглупеем. Призываю, давайте настолько трезво посмотрим на себя, как-то переформируем во что-то очень позитивное опыт нашего поражения.

Следующий тезис. Сегодняшнюю русскость внутри нужно продвигать по законам внешней экспансии.

(00:55:06)

Вроде бы 16 тысяч санкций и все прочее. Ну а сегодня о культурной, возможной русской культурной экспансии нужно думать сейчас. Почему? Потому что мы, управляясь логикой внутренней некой, мы не победим внутри. А почему? А потому что за последние 30 лет мы с вами породили как минимум два поколения внутренних иностранцев. С сентября прошлого года я лично раз в неделю читал лекции, и мы, наша команда, мы накрыли за год из 160 екатеринбургских школ 100. Вот я с полей, вот на прошлой неделе я еще читал лекцию в школе, бесплатно, совершенно по линии общественности. Я вам ответственно хочу заявить, у нас с вами внутренний иностранец. Для сегодняшней десятиклассницы «Калинка-малинка» — это что-то неродное. Для нее родное «From Sarah with love», для нее родной R&B, для пацанчика родной рэп. Я не знаю, что он там ловит, он даже

английского не знает, вот этого сленгового. Может, он там ловит драйв. Ну как мы в свое время в рок-н-ролле западный слушали, и мы слушали, как собаки, мы слушали не интонацию, мы не слушали смыслы. Неважно, но для них это роднее.

Поэтому, чтобы сегодня победить в душе нашей десятиклассницы, нужно работать по законам внешней экспансии. Победим в ее голове – победим в мире. К сожалению, не успел всего, но если вдруг получится у меня в этом году, я надеюсь, издать эту книгу «Русский мир», прошу, покупайте, ругайтесь, выбрасывайте ее, черкайтесь, сжигайте. Но давайте спорить. Мы, к сожалению, очень мало разговариваем. Нам кажется, что мы очень много разговариваем. Нет. Мы очень мало разговариваем, мы очень мало пишем, мы очень мало спорим, мы очень мало разговариваем проблемы, и себя в том числе, и очень мало изговариваем бед. А это очень нужно. Поэтому, если кто-то не согласен, спасибо вам за ваше несогласие, но давайте спорить и разговаривать. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо, Евгений. Полчаса, которые остались, у нас я предлагаю нашим уважаемым экспертам пройти, может быть, по второму кругу. У нас совсем уже мало времени. Итак, есть несколько вопросов, которые я, может быть, смог бы подвесить и обратиться к каждому из выступающих уже в русле того, что прозвучало сегодня. Но прежде всего, Святослав Юрьевич, начнем тоже с вас. Какое у вас ощущение от расширения этого поля дискуссии, от того, что мы от севера России коснулись вопросов уже и индийской геополитики, этих связей, чему, что должно быть предметом в разговоре русского о русском культурном коде, о русско-культурной среде? Как вы считаете?

Святослав Рыбас: Я вам напомню или сообщу статью Макфола, это бывший посол Соединенных Штатов в России, в журнале Госдепа он написал, что наша политика, в смысле штатская, должна сводиться к тому, что мы должны русских нацелить на Путина. То есть проблема русских в России сформулирована давным-давно. Это первое. Не буду развивать, вы все понимаете.

Второе. Я донецкий человек, это вы уже знаете. Там родился, там у меня два десятка могил. Я написал даже книгу, создал «Замечательные донбассовцы», два издания. И там в предисловии указал, что было по Гумилеву пять зон пассионарности. Это Питер, это Москва, это Урал, это Донбасс и Кавказ – Баку.

(01:00:00)

Вот эти зоны пассионарности, то, что сейчас мы услышали про Север, это распространяется и туда. Но у нас есть зоны подавленности, и это совершенный факт. И зоны, где русское население выдавливается, это тоже факт.

И последнее, что я скажу, в общем-то, это мои соображения, они, наверное, не очень вписываются в тему, а может и вписываются, что сейчас в Донбассе активно обсуждается вопрос, кто виноват в том, что восставший в 2014 году Донбасс так долго не получал поддержки, что люди там гибли. И сейчас эта гибельность распространяется на другие территории. Вот это вопрос, который не касается военных каких-то решений, это касается прежде всего ментальных решений. Мое личное ощущение, что наша государственность сейчас стоит перед очень тревожным рубежом. Этот рубеж, зная какие-то американские

исследования, например, стратегию, которую ЦРУшное агентство Stanford написало: от 2016 года до 2026 года они прогнозируют нам очень тяжелое положение, я даже не буду их формулировать. Поэтому все сейчас наши усилия, это не только вертолеты или летающие тарелки, это прежде всего наш культурный, национальный код, это наше спасение. Или же это, если это не будет реализовано, это колоссальная проблема, все.

Эдуард Бояков: Спасибо. Борис, может быть неожиданно немножко вопрос, с которым я хотел к тебе обратиться. Ты много и убедительно, очень интересно говоришь об инициативе снизу, о том, как важна инициатива, как важно правильно выражать ее. О том, как важна инициатива, как важно правильно построенное сообщество. А как раз я-то хочу сказать об обратном взгляде. Как, по-твоему, должно и может реагировать государство? Ведь эта инициатива, она же тоже должна как-то модерироваться в какой-то среде, она не должна управляться. Инициатива кончается тогда, когда нам начнет государство говорить, как нам нужно какую-то общину создать. Понятно, ты говоришь о том, что русское сообщество, русские люди могут организоваться.

Но, кстати, я обращаю внимание на то, что все-таки вы-то со своим другом поехали в Териберку, правильно? Вы поехали там, в место, где происходит действие фильма «Левиафан». А сам фильм «Левиафан» и был абсолютно ярким примером той культурной политики, которую те люди проводили. Это либеральная, так сказать, такая пропаганда. Возвращаясь к теме нашей Пленарки вчерашней, как можно спроектировать, и можно ли вообще, или русское пространство, оно такое априори самоорганизующееся, или все-таки государство как-то может помочь русским людям в этом процессе? Как ты считаешь?

Борис Акимов: Я думаю, что правильный ответ родится от какой-то попытки глубинного понимания того, чем вообще является русское государство, в чем природа. Природой я глубоко убежден в том, что такая очень яркая, может быть, фундаментальная особенность русского человека, который создал это государство, это такая хорошая творческая, созидательная неусидчивость и стремление все время вот это пространство освоить творчески. Поэтому мы и живем в самой большой стране мира, я вот об этом говорил еще на предыдущей сессии тоже, что мы, русские люди, создали это государство, самую огромную страну мира. Нам ее не подарили, нам ее не выдал какой-то правитель, а просто мы все вместе, включая правителей, создали вот эту страну и это государство. И мне кажется, что будет здорово, если государство, а на самом деле вообще не склонен, честно говоря, к тому, чтобы разделять человека, государство, чиновника, есть просто гражданин. Да нет, на самом деле они, в общем, думают примерно так же, как мы. То есть то, о чем мы каждый раз говорим, есть некое гуманитарное представление о реальности, оно, в общем-то, свойственно что обычному человеку, что чиновнику.

(01:05:07)

Мы все в той или иной степени в плену такого западного дискурса находимся. Поэтому мне кажется, что не только государство, если с нами государство, осознать, что вот этот творческий потенциал человека, он и делает вообще человека, ну и в частности русского человека – человеком. И вот оставлять его человеком, не расчеловечивать его до функции какой-то бюрократической, такой гражданской, экономической, можно в том случае, если

дать ему вот эту возможность проявлять вот эту внутреннюю свободу, которая априори, если она конструктивна, позитивна, она приведет его к созданию такой местной какой-то силы, местного сообщества, в котором он объединится с подобными людьми и покажет всем окружающим, что вообще такое возможно, что вот это конструктивное, позитивное движение снизу, оно, собственно, является, я бы даже сказал, для государства самым ценным, еще не реализованным, полезным ископаемым вообще России.

Эдуард Бояков: Спасибо. То есть твой ответ, если на уровне формул, создавать среду творческую? Создание творческой среды. Спасибо, Борис. Я хотел бы обратиться с вопросом, я делаю попытку аккумуляции энергии нашей дискуссии, с вопросом к Прити Дас следующего содержания. Вы очень интересно, очень ярко, очень убедительно говорили про нашу глубинную связь, про совпадение нашего культурного кода, про наши исторические взаимодействия, и это действительно доказано, то, что наши праздники языческие имеют связь с ведической культурой, это очевидно, то, что русский язык наряду с единственным, у кого не меньше связи с санскритом, это литовский язык, а русский язык, получается, из всех индоевропейских языков, а все-таки это индоевропейские языки, на них говорят 3 млрд человек, это самая большая языковая группа, самые близкие к санскриту. Наши корневые, ключевые жизненные понятия имеют эту близость. Это очевидно.

Здесь не поспоришь, если только и спорить, то, может быть, с тем, что доктор Прити Дас сказала, что это все из Индии пришло, в этом отношении можно поспорить, кто куда пришел, потому что, во всяком случае, могу всех адресовать к выдающейся работе. Недавно она переведена на русский, вышла в Высшей школе экономики буквально несколько месяцев назад, книга Энтони Дэвида, крупнейшего американского исследователя, которая называется «Лошадь, колесо и язык». И там абсолютно убедительно доказано, что индоевропейцы на индийский полуостров пришли из уральских степей. Из уральских степей и из степей между Черным морем и Каспийским. Это самый авторитетный, абсолютно аполитичный, независимый, неангажированный американский исследователь, он доказывает, что именно там родились повозки, там приручили лошадь, и там произошел важнейший цивилизационный скачок, который, в общем-то, и породил современный мир, в котором мы живем.

Но речь сейчас не об этом, а речь, коли мы так похожи, доктор Прити Дас, хочется спросить вот о чем. Как вы чувствуете, и что вы могли бы сказать о сегодняшней повестке глобализационного столкновения, которое мы в России чувствуем совершенно очевидно? Вчера мы на нашей Пленарке говорили, мы находимся под колониальным воздействием. Сегодня Евгений говорит об этом же самом. Мы не самостоятельны, наши дети не самостоятельны. Мы думаем, что мы патриоты, и мы можем быть за Донбасс, за Путина, но наши мозги и наша система ментальных и энергетических координат, которая похожа с индусами, она колонизирована. Мы зомбированы этой культурой, наши дети зомбированы этими музыкальными паттернами, наши глаза зомбированы этими рекламными ходами.

Я очень люблю Индию, я был там десятки раз, и помню, первый раз в 1992 году, оказавшись там, я был просто в ощущении какого-то невероятного рая, теплого, детского, традиционного.

(01:10:07)

Я с болью, и я с тех пор почти каждый год там бываю, и я вижу, во всяком случае, на индийских курортах, как меняется ситуация, как те самые хиппи европейские, которые любили Индию за тот самый традиционализм, за ту самую архаику, сейчас сменяются активными бомбейскими, пьющими пиво, прекрасно себя чувствующими с мобильными телефонами, вот этот самый средний класс. Не оказывается ли Индия под ударом, под которым мы оказались? И есть ли какие-то, как вам представляется, рецепты, как с этим влиянием глобализма и культурного империализма можно справиться?

Прити Дас: Спасибо за вопрос, но я скажу, что даже в моей презентации я говорила, что неважно, как это произошло, то есть совпадение или влияние, но как вы говорите, что есть доказательства, и есть литература, которая доказывает, что это пошло отсюда туда. Недавно у нас институт, который работает под Министерством культуры, и это называется IGNCA. И там есть, можно найти по интернету книжки, тоже эти книги написаны разными исследователями, и они взяли, сопоставили Ригведа с Авестой, и потом они взяли некоторые суффиксы и попробовали доказать этим путем. Поэтому я говорю, что я не вхожу в этот дискурс, потому что еще ничего не доказано.

Еще нам говорят, что было какое-то археологическое в городе Ульяновск, старая майна. И там есть Аркаим...

Эдуард Бояков: Это XI век, это IV-V тысячелетия.

Прити Дас: И там найдена идол Вишну, бога Вишну. Так что это потому, что все-таки материалы еще не доработаны, и поэтому мы не войдем в это, потому что литература... А сегодня я все-таки говорю, потому что, если я упоминаю своих писателей, и то, что не существует даже в Индии, у нас все это совпадает. Мы все-таки, как это я по-русски не могу сказать, perception, как представление, которое возрождается, то есть это надо доработать и в Индии, и в России. То есть мы сами по себе не думаем, мы очень influentially подходим под каким-то влиянием, то есть та информация, которая дается нам. А мы не подходим к этому, к образованию, к пути образования, которые нам передавали наши предки, как они говорят, что мы должны думать это сами по себе. Этого не происходит, даже в Индии. То есть мы все подчиняем тому, что государство сказало, и мы просто подчиняемся этому. Сами не имеем, мы уже потеряли. То есть я не буду это говорить, что только для русских, это в Индии тоже так происходит. Так что я согласна с вами. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо. Значит, будем этим совместно заниматься и совместно учиться с этим бороться. Может быть, тогда последний вопрос к Евгению у меня, как раз касающийся темы культурной экспансии. Вот ты и заканчивал свое выступление вот этим, вот такой формулой о том, что для того, чтобы расколдовать нашу «дочь» от того, чтобы

она перестала быть зависимой от этого условного R&B, нужно добиться культурного успеха в мире. Правильно, если я правильно понял?

Евгений Фатеев: Нет, нет, если научимся расколдовывать «нашу Ньюрку-десятиклассницу», то тогда победим во всем мире.

Эдуард Бояков: Нет, ну это же есть, конечно. То есть связанность, особенно в сегодняшнем, это действительно так. Хотя я совершенно не согласен с теми примерами, которые ты привел, касающимися, например, японской массовой культуры.

(01:15:09)

Она, с одной стороны, очень убедительна, но она именно успешна именно от того, что она депрессивна. Нам не нужны эти примеры. Это культура поражения, и в этом плане это действительно так. А то, что она оказалась успешной и востребованной, во всем мире успешно и востребованы наркотики или культура самоубийства, культура насилия. Зачем нам нужно с них брать пример? Здесь я бы поспорил. Может быть, не так активно, как наш уважаемый персонаж, который покинул нашу аудиторию, но тем не менее.

Вот культурная экспансия. Я в этом отношении совершенно убежден, что спасти русскую культуру можно только, обеспечив ее конвертацию в мировом масштабе. Это закон России. Закон Эстонии другой. Эстонцы должны по-другому спасти эстонскую культуру. Они должны замыкаться. Россия, если замкнется, она моментально превратится в неконкурентное поле. В Эстонию. Это так. И примеров в мире и в нашей истории огромное количество. Весь XIX век – это история, когда мы брали идею, например, французского и английского романа. Присваивали. И делали лучший роман в мире. И всем становилось к концу XIX века понятно, что лучший роман в мире – это русский роман. В начале XIX века герои Карамзина, «Бедная Лиза» или пушкинские романтические какие-то девушки, не говоря о Грибоедове или Фонвизине, какие они романы читали? Понятно, какие. Французский сентиментализм, Стерна, может быть, или еще что-нибудь такое. Так было с русским балетом, так было с оперой, когда мы взяли, командировали Глинку в Италию, он научился писать оперы, приехали и все. Через 20 лет «Могучая кучка», и мы становимся главной музыкальной державой, которая дает через 20 лет всему миру русский музыкальный авангард. И так далее. Что мы можем сделать на этом поле, и согласен ли ты с этим тезисом?

Евгений Фатеев: Совершенно и абсолютно согласен. На мой взгляд, два важных тезиса. Во-первых, я соглашусь с тобой полностью. Я верю, что технология запрета сегодня не сработает. Поэтому мы не должны побеждать американский рэп, мы должны стать лучшими в рэпе. Только тогда мы его присвоим, только тогда мы начнем легитимно, умно этот жанр подчинять себе, деконструировать. Как наш Малевич... Понимаете, историю западноевропейской станковой живописи начал Джотто. Еще в раннюю ренессансную эпоху. Но квадратную точку в истории фигуративной живописи станковой поставил наш Малевич. Понимаете, да? То есть мы научились, присвоили и стали диктовать законы.

Поэтому, Эдуард, совершенно с тобой согласен. Но второе, самое важное. Я, наверное, сейчас кого-то обижу, но что меня немножко удручает оба дня – архаичность и уже какая-

то затасканность словарного и терминологического инструментария, с помощью которого мы написываем сегодняшнюю реальность. Я с высшим образованием, я все-таки еще советское образование получил, мне повезло. Поэтому я понимаю, я очень могу понять рассказанное, умное, сложное и тонкое в старых словах. Но даже кусочек меня все равно ловит меня на том, что все мимо.

Эдуард Бояков: Мы теряем язык, это очевидно. Это лингвисты здесь. Мы теряем тот язык, о котором, опять же, говорила доктор Прити Дас. Суффиксы мы теряем. Мы теряем суффиксы, мы используем чужие суффиксы.

Евгений Фатеев: Нам нужно срочно обновлять словарь о реальности, о современности. И в этом смысле нам нужно какой-то, знаете, я хочу прямо вбросить, понятно, что мы с вами этого не сделаем, но может быть кто-то услышит потом это. Нам нужен зуд, драйв, общенациональная игра в словотворчество. Нам нужно заниматься...

(01:20:06)

Нам нужно в слова.

Эдуард Бояков: Нам нужен Пушкин, который создал бы сегодняшний язык.

Евгений Фатеев: Да, но самое главное... Понимаете, слова, «Язык дом бытия» Хайдеггера, который был не дурак и был прав, поэтому в будущее со старыми словами не получится. Кстати, обратите внимание, мы можем сколько угодно сетовать про наши словарные заимствования из английского, но в описании будущего сегодня нам русского сегодняшнего не хватает. И не хватит. А что делать? Такая же ситуация, кстати, была в начале XIX века. Я вот к чему. Поэтому, безусловно, согласен с тобой, Эдуард, но первая основа всего – обновление словаря.

Эдуард Бояков: Спасибо, Евгений. У нас осталось буквально семь-восемь минут. И, дорогие участники, у нас нет процедуры, записок или еще чего-то. Если у вас есть не выступление, а если у вас есть вопросы к моим уважаемым коллегам, прошу вас дать эту реплику, поднять руки. Да, пожалуйста. Именно вопрос.

Вопрос из зала: Не кажется ли вам, что вы хотите какой-то русский код навешать, какой-то шаблон или еще что-то? А вообще, отчего мы пляшем? У нас нет русской национальной идеи. Она запрещена в Конституции. О чем мы можем говорить? Еще в 90-е годы Борис Николаевич Ельцин такой указ подписал о развитии и о национальной идее, о том, чтобы ее создать. И вопрос такой, что не считаете ли вы все-таки, что нужно эту национальную идею как-то все-таки возродить, чтобы она была? Я, например, считаю, что сама национальная идея заключается в том, что это в обсуждении национальной идеи. И хотел бы некоторым тут посоветовать почитать хотя бы мыслителей серебряного века, философов русских типа Бердяева, Ивина и так далее.

Эдуард Бояков: за этот совет. Мы ему следуем. Может быть, недостаточно. Кто хочет ответить, коллеги, на этот вопрос? Никто? Ну, я тогда попробую.

Святослав Рыбас: Два слова. В Конституции нет запрета на идеологию, нет запрета на доминирующую идеологию. Поэтому тут давайте скажем, чего мы хотим прежде всего, мы должны сказать, а не какой-то дядя.

Эдуард Бояков: Я, кстати, безусловно согласен с тем, что одним из ответов на вопрос, в чем русская идея, и это состоятельный ответ, это хороший ответ, по-моему, является поиск русской идеи, потому что Россия – это территория поиска, это идея поиска, это логос поиска в этом отношении, именно духовного поиска, а не завоевательного. В этом отношении так. Что первично? Идеология или культурный код? И я в вашем вопросе, я в вашем выступлении лично я расслышал вот этот типично русский логоцентризм, типично русское такое доминирование, о том, что идея важнее.

С одной стороны, да, мы русские, это так. С другой стороны, мир современный становится более кодифицированным, более семиотическим, более визуальным. И в этом отношении мы должны учиться и современному языку. Поэтому я думаю, что для того, чтобы не играть бесконечно в этот пинг-понг, что первично, курица или яйцо, надо понимать, что работу над осмыслением русского культурного кода. Нужно вести в разных направлениях. Философы должны работать. Я, например, все время спорю с Александром Дугиным, у которого наблюдаю примат философии над визуальными искусствами, например.

Мы с Евгением очень часто соглашались с тем, что какой-то правильный логотип или какая-то литография может больше сказать, чем огромное многотомное философское исследование. Нужно работать во всех направлениях. И тогда вот этот русский код, он будет тотальным, он будет огромным, и мы его начнем чувствовать. А то, что сегодня мы это не чувствуем, это очевидно.

Вопрос из зала: Можно такой вопрос задать? Вы говорили о том, что мы сейчас проигрываем битву молодежи в голове. Основная причина может быть в том, что мы как-то не создаем новое будущее, мы не создаем его в науке.

(01:25:06)

Если мы объективно будем оценивать ситуацию, то мы отстаем и в науке, и в технике. Поэтому у нас и научной фантастики, в общем-то, по большому счету нет. Поэтому я бы хотел спросить о том, как вы видите, с чего нужно начинать. Или науку активнее развивать, то есть новые технологии, чтобы мы становились лидерами. Или, соответственно, научную фантастику, которая будет образы эти создавать, чтобы двигаться вперед.

Эдуард Бояков: Спасибо. Очень спешим, поэтому Евгений хочет сказать на эту тему. Я соглашусь полностью с темой научной фантастики, вообще фантастики, фантастического мира. Это новая мифология, это новый Гомер, это миры. Вот эти вот миры, которые создают многие, кстати, китайцы в этом отношении очень внятно, очень согласованно работают. Индусы работают не очень согласованно, как мне кажется, потому что им, в общем-то, и согласованно не надо. У них этот мир есть, он есть в Ригведе, в Упанишадах. И эта близость вот такой вот корневой культуры, она пронизывает индийскую

повседневность. Если там праздник, если там Холи, там Холи. Если Дивали, то Дивали. И весь год живет. Мы, конечно, эту связь потеряли. И в этом отношении мой ответ – нужно работать во всех направлениях, а начинать с исследований. Евгений.

Евгений Фатеев: Потрясающий вопрос. Вы абсолютно правы. Я бы сказал следующее. Любой разговор, даже игрище в наше любимое национальное занятие поиск национальной идеи, на самом деле это гуманитарный хай-тек. Это не только находится национальная идея, она еще конструируется. Это очень серьезная работа. Если говорить о первичном, должно быть, можно я так скажу, прокачивание скилла воображения. Нужно воображать. Обратите внимание, СВО, в том числе, это же война воображения. Вы обратили на это внимание? И как много у нас впереди работы по прокачиванию, и чиновниками в том числе, способностью воображать.

Эдуард Бояков: Евгений, спасибо. Доктор Прити Дас хотела сказать.

Прити Дас: Я просто хотела сказать, что еще одно, что есть такое понимание, что надо прошлое полностью вычеркнуть, и потом можно создать новое. Но в культуре такое не получается. Если посмотреть индийскую философию, там получается взять все хорошее из прошлого и потом двинуть вперед. То есть каждый раз не надо полностью утереть то, что у нас было. Поэтому я взяла, что в традицию, которую мы забыли, надо еще раз прочитать, посмотреть, что оттуда можно взять, и что оттуда можно оставлять.

Эдуард Бояков: Спасибо. Вы хотели задать вопрос, да? Последний вопрос.

Вопрос из зала: В общем-то, мой вопрос, он уже как бы сломался из вопроса. Я только уже не вопрос, маленькое резюме для себя озвучу, что я воспринимаю весь разговор здесь... Единственный представитель, который говорит именно о коде, это доктор из Индии, потому что она является сама носителем кода своей нации. Я, как сказал Дугин, умираю за русский народ, за родину. И это непросто. И могла бы сказать о коде.

Эдуард Бояков: Спасибо. Мы заканчиваем нашу дискуссию. Я благодарю и участников, и зрителей. Надеюсь, в кулуарах мы еще будем обсуждать тему нашего сегодняшнего разговора. В 17 часов будет короткий доклад уже на Пленарной сессии. Спасибо.

(01:29:38) (Конец записи)